

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА

Ларин О.Н.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов

В статье рассматриваются методологические аспекты социологической теории отечественного философа и социолога А.А. Зиновьева.

Ключевые слова: социологический роман, социальный закон, идеология, социальный атом.

В настоящее время отечественная социология отошла как от идеологических ограничений советского времени, так и от нигилизма раннего постсоветского периода, и открыта к переосмыслению социологического наследия советской эпохи. В этом процессе особое место занимают социологические труды Александра Александровича Зиновьева (1922-2006), которые стали объектом развернутого осмысления в отечественной науке и за рубежом. Биография А.А. Зиновьева показывает его как человека многосторонне развитого, одаренного не только в научной сфере, но и в творческой. Его склонность к написанию сатирической прозы проявилась в виде написания множества коротких пародий, сатирических эссе и рассказов о проявлениях глупости, подхалимства и лицемерия.

В этих зарисовках отразилось критическое отношение к людским недостаткам, что и в его социальной теории впоследствии. Поэтому неудивительно, что первые опыты социологического осмысления общества получили у ученого, академическая карьера которого была непростой, именно форму романа. «Делая зарисовки отдельных людей или бытовых эпизодов, сочиняя сатирический рассказ или пародию, – отмечал автор в последствии, – я каждый раз видел в них способ выявления каких-то атомов, кирпичиков, которые, складываясь в различных пропорциях и конфигурациях, образуют общество в целом. И тогда, естественно, рано или поздно появлялось искушение суммировать, слить эти отдельные детали в единое целое, воссоздать облик общества, в котором мы живем. «Зияющие высоты» (издан в 1976 году в Швейцарии – О.Л.) и стали первым масштабным результатом такой работы» [1, с.52]. Можно утверждать, что сатира и резкие гротески Зиновьева явно переступали нормы дозволенного цензурой и властью.

В зарубежных публикациях («Зияющие высоты», «Желтый дом», «Гомо советикус», «Затея», «Коммунизм как реальность» и др.) ученый создал преимущественно сатирический облик советского общества. Он избрал форму, которую одни называют «социологическим романом», другие – «интеллектуальным романом». Анализ этих произведений должен производиться в рамках междисциплинарного подхода, так как парадоксальные социологические гипотезы и обличение недостатков строя находили воплощение в острой и неоднородной художественной форме. Многие писавшие о Зиновьеве единодушно – и справедливо – отмечали смешение в его книгах жанров и стилей, философских размышлений, раешника логического анализа и анекдотов.

«Я создал в литературе свой жанр, – отмечал А.А. Зиновьев, – социологический роман. То есть не просто социальный, а именно социологический. Конечно, я много читал, но никогда не собирался быть профессиональным литератором, а писателем стал, можно сказать, волею случая. Когда были изданы мои «Зияющие высоты», на Западе писали, что я, как метеор, вырвался на высоты мировой литературы. А вырвался я только потому, что пришел я не из литературы. В официальной литературе – и в советской, и в западной – меня просто бы не пропустили, а я обошел все преграды. Я пришел в литературу из науки. Я писал как человек, который разработал собственную научную теорию современности – и коммунизма, и западнизма. Литературным

трудом я занимался нелегально, потому что все мной написанное печатать было невозможно. Я принадлежал к той среде, которую можно назвать «интеллигентский фольклор» [2].

В социологических романах ученый не оперировал статистикой, опросами общественного мнения, ссылками на исследования специалистов. Воплощая стремление к качественной, принципиальной оценке происходящего, он опирался на собственный жизненный опыт. Он видел противоречие между официальным провозглашением «развитого социализма» в СССР и реальным положением среднеразвитого в экономическом отношении государства. Даже к середине 80-х годов, когда по заявлению Н.С. Хрущева, у нас должен был бы быть коммунизм, наш ВВП на душу населения был в среднем в три раза ниже, чем в странах Запада.

Главным предметом критики А. Зиновьева было государственное управление. «В хрущевские годы, – писал социолог, – сенсацию в Советском Союзе произвела идея, что начальники не должны сами затачивать карандаши, поскольку их драгоценное время и творческие силы нужны для более важных дел. Напечатали по этому поводу миллионным тиражом брошюру привезенного из Америки менеджера. Кабинеты начальников украсились стаканчиками, наполненными карандашами, остро отточенными секретаршами. Спроектировали специальную машинку для затачивания карандашей. Дело ограничилось, конечно, проектами. Начальники же, освободив свои творческие силы от затачивания карандашей, бросили их на усиленное взяточничество и карьеристские интриги» [3, с.48-49]. Несоответствие причин и предпринятых мер вызывало сожаление и закономерное осуждение, подтверждая грядущие выводы автора о неизменности социальных законов.

Объектов критики было достаточно. В СССР наблюдался дефицит товаров, хотя и не такой катастрофический, как к концу горбачевской «перестройки», в городах ощущалась нехватка жилья, так как за годы советской власти городское население выросло на 100 млн. человек. Что касается гражданской культуры, то наряду с героями труда большую часть населения составляли некультурные, эгоистичные мещане, обыватели, – как, впрочем, и в других цивилизованных странах.

Образ обывателя, мещанина, потребителя, живущего по законам экзистенциального эгоизма, стал центральным объектом критики автора. При этом А.А. Зиновьев выделял этот социальный тип как лидирующий не только в Советском Союзе, но и в странах Запада.

Формирование этого образа, по мнению ученого, было детерминировано законами развития общества. Под «социальным законом» А.А. Зиновьев в традиции Н. Макиавелли понимал не идеальные, а реально проявляемые черты наших современников. «По мере повышения жизненного уровня, роста образованности и культуры и более резкого расслоения общества, – писал он, – стала формироваться новая система ценностей, оттеснившая ценности труда и коллективной жизни на задний план... Реальные советские люди в массе своей воспринимали «высшие ценности» коммунизма не как самоцель, а

лишь как путь к ценностям «низшим», как средство достижения материального благополучия, карьеры и привилегий» [4, с.462, 463].

В социологической теории Зиновьева заметное место занимают взаимоотношения «социального атома» – индивида и «социальной организации» (трудового коллектива, корпорации и даже социально-политического строя). Социальная организация не только контролирует сферу труда человека, но и все более активно вмешивается в его частную жизнь. Общественный контроль приводит к тому, что человек незаметно для себя все больше становится «социальным атомом» в «человейнике». Выход из системы «человейника» чреват непониманием и даже изгнанием, – как это и произошло с самим А.А. Зиновьевым.

Избежав в своих зарубежных публикациях идеологического контроля партийного руководства, А. Зиновьев в сатирической форме показал советское общество в той стадии развития, когда в нем стало активно проявляться социальное расслоение. Много лет спустя, вернувшись из эмиграции, уже без всякого сарказма, он сказал то, что отечественные социологи не могли в свое время довести до сознания государственного руководства: «Специалисты по «научному коммунизму» делали упор на рост сознательности граждан и трудовой героизм, которые на самом деле эволюционировали в противоположном направлении» [5, с.349].

В книге эмигрантского цикла «Фактор понимания» Зиновьев пишет: «Здесь утверждается искаженная оценка личности – превозносятся ничтожества, унижаются значительные личности. Наиболее нравственные граждане подвергаются гонениям, наиболее талантливые и деловые низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости. Причем не обязательно власти делают это. Сами коллеги, друзья, сослуживцы, соседи прилагают все усилия к тому, чтобы талантливый человек не имел возможности раскрыть свою индивидуальность, а деловой человек – выдвинуться. Это принимает массовый характер и охватывает все сферы жизни, и в первую очередь – творческие и управленческие. Над обществом начинает довлеть угроза превращения в казарму. Она определяет психическое состояние граждан. Воцаряется скука, тоска, постоянное ожидание худшего. Общество такого типа обречено на застой и на хроническое гниение, если оно не найдет в себе сил, способных противостоять этой тенденции. Причем это состояние может длиться века» [6, с.154]. Создается впечатление, что факты собственной биографии подтолкнули ученого к осознанию столь мрачных тенденций в социальной жизни общества СССР.

Персонажи Зиновьева ведут длинные беседы на идеологические, политические и житейские темы. Создается впечатление, что общество настолько же низкого культурного уровня, как и эти персонажи. Даже та часть общества, которая призвана быть носителем культуры – интеллигенция – приобретает неприглядные черты лодырей и пустомелей. Угрызения совести их не мучают. «Как думает индивид, – пишет романист, – вообще роли не играет. Важно как он поступает. А поступает он по социальным правилам» [7, 67].

Сарказм и гротеск в творчестве А. Зиновьева не были отличительной чертой только его прозы; эти приемы в освещении социальной жизни в СССР применялись его современниками, писателями и поэтами самиздата, подполья и полуподполья.

За романом «Зияющие высоты» (1976) появилась целая серия социологических романов, рассчитанных на западного читателя и на критически мыслящего советского современника. Разумеется, Зиновьев понимал сложную ситуацию, в которой он оказался. В своих произведениях он неоднократно пытался ее объяснить: «В сражении между двумя могущественными идиотами (*таков сатирический образ двух сверхдержав – О.Л.*), – писал он, – умному карлику места нет. Его раздавит кто-то из сражающихся, а то и оба совместно» [8, с.129-130]. Осознавая слабость собственного положения «мыслящего тростника», или одинокого бунтаря, А.А. Зиновьев, однако, не хотел отказываться от своих принципиальных взглядов: «Подавляющее большинство членов общества обречено жить в идеологической клетке. Лишь немногим одиночкам удастся вырваться из нее в какой-то мере. Но они рассматриваются обычно как отклонения от нормы, каковыми они и являются на самом деле» [4, с.208]. Рискуя социальным отвержением, ученый осмеливался быть самим собой, вырвавшись из-под гнета идеологического воспитания на простор саркастической социальной критики.

Среди ученых нет единого мнения о том, что же подвергал критике А.А. Зиновьев: социалистический строй или любое общество в целом. По нашему мнению, критикуя общество, социолог имел в виду нашу страну, но все же любое общество само по себе несовершенно, так как несовершенно сами «социальные законы». Через год после пребывания в эмиграции он опубликовал книгу «Без иллюзий», разъясняющую в форме ответов интервьюеру его взгляды как социального мыслителя. В спокойном тоне он указал, что сам он ни коммунист, ни антикоммунист. И объяснил парадоксальность своих суждений тем, что придерживается научного, а не идеологического характера мышления. «Я пишу не для развлечения, – отметил он, – я пишу книги не легкие для понимания. И знаю, что теперь не так-то уже много людей, которые относятся к чтению как к труду. Но все же такие люди есть... Все мои книги суть книги и о западной жизни, только на фактическом материале Советского Союза. Я писал и пишу о явлениях общечеловеческих, но на материале классически развитого образца такого рода. Мне повезло: общие законы человеческой жизни в советских условиях заметить легче, чем на Западе. Разумеется, мой опыт жизни на Западе как-то войдет в мои книги» [5, с.399].

Свою художественную сатиру Зиновьев в дальнейшем перевел и на научный язык, который также не мог понравиться советским идеологам. Критикуя «горбачевизм» в 1988 г., он писал: «Научное исследование обнаруживает, что реальный коммунизм имеет мало общего с тем земным раем, который обещали коммунисты прошлого и который обещает советская идеология. Научное исследование обнаруживает, что коммунизм не устраняет неравенства людей, социальную несправедливость, эксплуатацию одних людей

другими и прочие язвы социального бытия, а лишь меняет их формы и порождает новые язвы, которым предстоит стать вечными спутниками коммунизма.

Коммунизм приходит в мир как огромное искушение, принося с собой определенное улучшение условий жизни для миллионов людей. Но в истории ничего не дается даром и не проходит безнаказанно. За те преимущества, которые приносит людям коммунизм, они должны платить» [3, с.31-32]. Таким образом, оценка социалистического строя ученым далека от огульного отрицания; однако объективность заставляла его выразительно отражать те негативные социальные факты, которые он видел в СССР и которые, по сути, стали причиной изгнания талантливого ученого.

Конфликт мыслителя с советской действительностью носил нравственный, а не политический характер. Как социолог он направил острие своего сатирического оружия не против коммунистической системы, а против социальной системы как таковой, что и объяснило формирование его взглядов. В «Гомо советикус» (1982) Зиновьев отмечал, что на Западе ему «раскрыли свои объятия такие же коллективы, отличающиеся от советских лишь отсутствием достоинств последних» [9, с.258]. А через пятнадцать лет, в романе «Глобальный человек» (1997), он указывает, что в западном социуме многое в социальной жизни очень напоминает коммунистическое общество, которым западные люди все время пугают друг друга.

Примечательно, что А.А. Зиновьев, теоретически противопоставляя идеологию и науку, дал высокую оценку советской идеологии. «Не следует думать, – писал он, – будто советская идеология стремилась прививать людям отрицательные качества – эгоизм, карьеризм, двуличность, ненадежность, продажность, подхалимство, ложь, склонность к халтуре и обману и т.п. Как раз наоборот, эти качества порицались, сдерживались и ограничивались. Поощрялись самые лучшие качества – честность, отзывчивость, трудолюбие, самоотверженность, преданность родине, стремление к образованию, к овладению культурой, к развитию способностей, к достойному поведению в коллективе и т.д. То же самое делалось для воспитания идеальных отношений между людьми и народами – дружбы, взаимного уважения, взаимопомощи, братства, равенства и т.п... Если бы это не делалось, то жизнь в стране превратилась бы в кошмар. Советский Союз не выжил бы в труднейших условиях и десятка лет, не победил бы в войне 1941-1945 годов Германию, не стал бы второй сверхдержавой планеты» [9, с.236].

Советское общество на стадии индустриального развития, как отметил А. Зиновьев, оказалось зараженным буржуазно-индивидуалистической психологией – стремлением к деньгам, власти и славе (авторитету). В этом состояла суть «социальных законов».

В 1979 г. Зиновьев писал: «В послесталинский период ситуация для идеологии в Советском Союзе существенным образом изменилась. Выросла образованность и общая культура населения. Резко возросло число высокообразованных людей, которым идеологическое учение уже кажется чем-то примитивным, даже достойной насмешки чепухой. Обнаружилось, что недо-

статки советского образа жизни суть неотвратимые следствия самой социальной системы. Стали широко известны соблазны западного образа жизни. Эпидемия карьеризма, стяжательства и коррупции охватила всю систему власти и управления, а также прочие сферы жизни. Так что судьба советского общества сейчас в огромной мере зависит от того, сумеет ли оно перестроить и улучшить работу механизма идеологии так, чтобы он стал безраздельным властителем и регулятором сознания масс людей» [5, с. 457-458]. Как показало развитие истории, советский социум не только не «улучшил работу механизма идеологии», но и не признал такую необходимость, что в итоге и привело к разрушению основ советской государственности.

Даже если здесь и было что-то утрировано, как, например, в отношении коррупции (тогда она не имела таких масштабов, как в 90-е и 2000-е годы), суждение в основном было здравым. Реальный кризис советского общества к середине 80-х годов заключался в неадекватности системы управления. По мнению социолога, «необходимо было увеличить аппарат власти и управления, особенно партийный аппарат. Он был уже мал для возросшего числа объектов, подлежащих управлению. И не соответствовал усложнившейся структуре общества, а так же усложнившимся условиям управления» [4, с.400].

Уникальность социологических наблюдений Зиновьева состояла в том, что в них могли разобраться прежде всего специалисты, а мало эрудированная публика усматривала в его едкой сатире только очернение советской действительности.

У наших современников, знавших советскую эпоху не понаслышке, конечно, не воспринимается как сатира изображение общественной жизни как собрание анекдотов полудетективного свойства (конечно, с участием КГБ). Когда они читают, по традиции доверяя печатному слову, о том, что «коммунистическое общество в принципе есть общество плохо работающих людей» [10, с.354] или, что в нем наблюдается «ожесточенная борьба всех против всех» [10, с.309], им становится не по себе. Примитивизация советской жизни как сатирический прием импонировала западному читателю, но не могла быть близка нашему соотечественнику, признающему, что советская власть превратила отсталую аграрную страну в индустриальную державу с передовой наукой, дала народу бесплатное образование и медицину, встала на пути фашистской угрозы миру.

Когда А.А. Зиновьеву пришлось по-новому оценить эффект воздействия некоторых своих произведений с точки зрения национальных интересов, он отметил (1999 г.): «...Мои критические умозаключения сложились и развивались независимо от западного влияния и диссидентства, сложились на основе наблюдения и переживания имманентной эволюции советского общества... Я тогда имел весьма смутное представление о ходе «холодной войны» и о ее механизмах, лишь через несколько лет (в 1984 году) я стал догадываться о переломе в западной стратегии «холодной войны» в направлении подготовки советской антикоммунистической «революции», то есть грандиозной диверсионной операции по разгрому Советского Союза и советской социальной системы» [11, с.11].

Позиция А. Зиновьева как социолога и писателя сложилась по давней традиции русской интеллигенции быть «голосом народа», несмотря на все препятствия. Интеллигенция, как уникальная социальная общность русской истории, потому и называется интеллигенцией, что она лучше, полнее и глубже понимает национальные интересы, интересы различных классов и слоев, и знает, как их реализовать. Знания позволяют интеллигенции видеть реальное значение власти, характер ее практических действий, степень соответствия между ее лозунгами и делами.

Как «пролетарий умственного труда» (как пытались обозначить интеллигентов в советской литературе) социолог не питал симпатии к квазиэлитарной группе «либеральных» советских интеллигентов, мечтавших пробраться к власти в случае изменения социально-политического строя в СССР.

Список литературы

1. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006.
2. Беззубцев-Кондаков А. Советский эксперимент и новая Россия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=7249>
3. Зиновьев А.А. Горбачевизм. Нью-Йорк, 1988.
4. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2008.
5. Зиновьев А.А. Логическая социология. М., 2003.
6. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., Алгоритм, 2006.
7. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. L'Age d'Homme, 1976.
8. Зиновьев А.А. Гомо советикус. Пара беллум. М., 1991.
9. Александр Александрович Зиновьев. М.: РОССПЭН, 2008.
10. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М., 1994.
11. Зиновьев А.А. Затея. М., 2000.